

Лицо Чжоу Цзыцяня, обычно столь привлекательное, исказилось от усилий, но рвота так и не наступила. Когда он наконец перевел дух, его глаза затуманились слезами, скулы и уголки глаз покраснели, словно вечерний закат, прекрасный и завораживающий. Однако его слова были совсем другими:

— Я знал, что ты меня презираешь.

Е Тао вернулся и начал похлопывать его по спине, не скупясь на слова утешения:

— Нет, я думаю, что ты выглядишь очень мужественно, сидя здесь. Ты красив, как кипящий котел, булькающий и пузырящийся.

Чжоу Цзыцянь, сидевший у ворот в ожидании рвоты, уже потерял всякий образ, а теперь, услышав, как его сравнивают с котлом, рассмеялся так, что чуть не упал. Кто бы мог подумать, что он способен на такое?

Людей, способных рассмешить Чжоу Цзыцяня до такого состояния, было очень мало, и Е Тао был тем самым единственным. Чжоу Цзыцянь всегда считал Е Тао удивительным человеком. Он был молчалив и редко улыбался, казался крайне скучным, но всегда оказывал на него положительное влияние. Радость, спокойствие, умиротворение — все эти редкие вещи в жизни Чжоу Цзыцяня, Е Тао мог ему дать.

Если слова его психотерапевта были правдой, если прошлый опыт действительно исказил его, превратив в существо, полное ненависти, тьмы и черной энергии, то появление Е Тао могло быть милостью небес или, возможно, рукой, толкающей его в пропасть.

Чжоу Цзыцянь смотрел на Е Тао глазами, в которых еще не угас смех, и в замешательстве пробормотал:

— Ты пришел, чтобы спасти меня или погубить?

Е Тао, не понимая его, посмотрел в ответ и под его взглядом сделал вывод:

— Ты действительно пьян.

Чжоу Цзыцянь не стал спорить, улыбнулся и легонько ущипнул его за мочку уха:

— Возьми кошелек и ключи, заодно скажи Дядюшке Чжоу, что мы выйдем прогуляться.

— Уже почти одиннадцать, пойдем завтра.

— Сейчас.

— Я устал.

— Я понесу тебя на спине.

— Сначала пройди по прямой, покажи.

Чжоу Цзыцянь действительно встал и прошел несколько шагов, затем обернулся с улыбкой:

— Доволен? Если нет, дядя Е пройдет еще раз.

— Неплохо, а теперь попробуй сделать кувырок.

— Это уж нет, боюсь, после этого ты будешь презирать меня еще больше.

Е Тао рассмеялся от злости. Он то ли пьян, то ли просто сыт по горло.

Как бы то ни было, в конце концов он уступил этому господину. Е Тао боялся, что, если он попытается затащить его обратно в дом, Чжоу Цзыцянь не станет спокойно спать, а под воздействием алкоголя может устроить шум, который лучше не слышать.

Они поймали такси на улице, и водитель сразу почувствовал запах алкоголя, обернулся и предупредил:

— Поосторожнее там, я сегодня машину помыл.

Чжоу Цзыцянь не обратил на это внимания. Его терпение и добродушие проявлялись только в необходимых ситуациях, в остальных случаях он предпочитал экономить эти ресурсы.

Е Тао взял на себя ответственность и заверил:

— Не волнуйтесь, он потерпит.

Как оказалось, терпение Чжоу Цзыцяня действительно было на высоте. Он смог сдержаться до самого момента, когда они вышли из машины и глотнули прохладного ночного воздуха. Только тогда его вырвало.

Е Тао похлопал его по спине, помогая справиться с тошнотой, а затем подал припасенный платок и воду.

Чжоу Цзыцянь только успел прополоскать рот и не успел закрыть крышку, как услышал за спиной быстрые шаги. Он инстинктивно обернулся и с ужасом увидел бегущего на него человека с ножом!

Столица — город, который не спит, но в полночь на боковых улицах уже почти не было прохожих, и поток машин значительно уменьшился. Даже если бы он закричал, вряд ли бы кто-то сразу обратил внимание.

Человек, словно появившийся из ниоткуда, размахивал длинным ножом, издавая хриплые, безумные крики:

— Чжоу Цзыцянь, я заберу твою жизнь!

Чжоу Цзыцянь, еще не полностью протрезвевший, был не так ловок, как обычно, но его разум был ясен. Не дав Е Тао времени среагировать, он толкнул его в сторону жилого квартала, а сам побежал в противоположную сторону. В этой критической ситуации он не думал ни о чем, кроме как отвлечь опасность на себя. Нападающий кричал, что хочет его жизни, так что он вряд ли станет преследовать Е Тао.

Человек с ножом действительно не обратил внимания на Е Тао, сосредоточившись только на преследовании Чжоу Цзыцяня. В холодном ветре, поднимаемом лезвием, Чжоу Цзыцянь больше всего боялся не за себя, а за то, что Е Тао, потеряв самообладание, побежит за ним.

Дорогой, пожалуйста, не теряй своего хладнокровия!

Нападавший не был нанят коммерческими конкурентами. Он не гнался за деньгами, не боялся смерти, его переполняла ненависть, и он был готов умереть, лишь бы Чжоу Цзыцянь погиб.

Острый нож вонзился в спину Чжоу Цзыцяня. Летняя одежда была слишком тонкой, чтобы защитить его, и боль смешалась с кровью, хлынувшей из раны. Чжоу Цзыцянь, инстинктивно уклоняясь, споткнулся и ударился о уличный фонарь. Это только разозлило нападавшего, и он с еще большей яростью замахнулся ножом, крича:

— Я убью тебя! Умри!

В изнеможении Чжоу Цзыцянь мельком увидел худошавую фигуру, приближающуюся к ним. Его сердце сжалось от страха, и он, стиснув зубы, схватился за лезвие ножа. Острая боль пронзила ладонь, но он не отпускал.

В короткой, хаотичной схватке Чжоу Цзыцянь наконец разглядел лицо нападавшего. Несмотря на искаженное от ярости выражение, он узнал его — это был Коу Хуаймин, который должен был скрываться! Чжоу Цзыцянь понял, что перед ним загнанный в угол безумец. Если он умрет здесь, следующий удар ножа будет направлен на Е Тао. Коу Хуаймин перенесет свою ненависть на него и, возможно, зарубит его, беззащитного, на куски!

Глаза Чжоу Цзыцяня стали краснее, чем кровь, струившаяся из его ран. Сжимая лезвие, он отчаянно закричал:

— Не обращай на меня внимания, беги!

Несмотря на все усилия, лезвие, разрезавшее его ладонь до мяса, было вырвано, и нож опустился на него. Чжоу Цзыцянь не успел уклониться, и лезвие скользнуло по его уху, вонзившись в левое плечо. Боль была невыносимой, и он даже услышал звук металла, ударяющегося о кость.

Чжоу Цзыцянь упал на землю, левая рука уже не слушалась его, раны на плече и спине кровоточили, ладони были изрезаны в клочья. Но он не мог сдаться, он не смел сдаваться, отчаянно пытаясь подняться для контратаки.

Его агония привела Коу Хуаймина в экстаз. Он пнул Чжоу Цзыцяня в грудь, прижал его ногой к земле и с садистской улыбкой поднял нож. Он был слишком возбужден, слишком доволен, видя перед собой умирающего Чжоу Цзыцяня и ощущая сладость мести. Он настолько увлекся, что не услышал шагов за спиной.

В последний момент, когда Чжоу Цзыцянь уже думал, что все кончено, он с отчаянием увидел, как Е Тао бросился вперед и ударил Коу Хуаймина чем-то по затылку.

Коу Хуаймин с выражением полного неверия рухнул на землю, даже не успев увидеть, кто нанес удар.

Е Тао, не слишком уверенный в своих силах, убедился, что нападающий без сознания, и только тогда бросил предмет. Это не было каким-то оружием — это был всего лишь небольшой кусок плитки, который он подобрал у входа в свой район.

Чжоу Цзыцянь, чудом оставшийся в живых, слабо улыбнулся, когда Е Тао начал оказывать ему первую помощь. Он думал, что им суждено отправиться в мир иной вместе, но оказалось, что Е Тао, которого он считал беззащитным, спас их обоих.

Вскоре после того, как Чжоу Цзыцяня и Коу Хуаймина доставили в больницу, прибыл помощник Чжоу Цзыцяня вместе с сотрудниками полиции. Коу Хуаймин был виновен не только в сегодняшнем нападении. Его компания уже была закрыта, а сам он разыскивался за

уклонение от налогов, взятки и убийство, совершенное много лет назад. Если бы его поймали, его жизнь была бы кончена.

Лю Хэн нашел Е Тао, сидящего одного в коридоре перед операционной. Его светлая одежда была испачкана кровью, и, хотя на его лице не было явного беспокойства, он выглядел бледнее обычного, словно мог упасть в любой момент.

Я знаю, что вы хотите сказать, и скажу за вас: «Неужели нельзя было остановиться в другом месте? Как же это подло!»

<http://bllate.org/book/17687/1650281>